

«Книжки недели» 1897 август. Литературная
летопись. Из русских изданий.

Мас. № 2692₂

изъ русскихъ изданий.

293

ство Насръ-Эдиль-Шаха было деломъ рукъ бабидовъ. На самомъ дѣлѣ убійца шаха, Мирза-Риза Кербани—одинъ изъ сторонниковъ извѣстнаго Шейха Джамаль-Эддина, проживающаго въ Константинополѣ. Этотъ ученый и образованный персіянинъ много путешествовалъ по Европѣ и Азии и пришолъ къ убѣжденію, что республиканскій образъ правленія былъ-бы наиболѣе подходящимъ для Персіи.

Г. Михайловскій, въ юньской книжкѣ «Русскаго Богатства», посвятилъ свои замѣтки беллетристическіе—сочиненія Лѣскова и послѣднему разсказу г. Чехова «Мужики». Къ Лѣскову г. Михайловскій отнесся сурово, находя огромною и ничѣмъ не оправдываемою смѣлостью ставить его рядомъ съ нашими первоклассными писателями, какъ это сдѣлалъ г. Сементковскій въ своемъ предисловіи къ послѣднему изданію сочиненій Лѣскова. Главнымъ недостаткомъ Лѣскова г. Михайловскій совершенно справедливо считаетъ отсутствіе чувства мѣры. Въ подражаніе причудливымъ сочетаніямъ словъ, какія любилъ подбирать Лѣсковъ,—вродѣ «несмертельнаго Голубана» или «безнатурнаго человека», г. Михайловскій называетъ его «безмѣрнымъ писателемъ». И въ самомъ дѣлѣ, напр. языкъ Лѣскова былъ «и колоритенъ, и оригиналенъ, но и то, и другое качество были испорчены отсутствіемъ чувства мѣры». Напомнимъ, что еще Достоевскій указывалъ Лѣскову на этотъ недостатокъ его въ своемъ «Дневникѣ писателя» («Ряженный»). Соглашаясь отчасти съ замѣчаніемъ Венгерова, что произведенія Лѣскова отличаются богатствомъ фабулы, г. Михайловскій поясняетъ, что богатство фабулы требуетъ еще многихъ прибавокъ для того, чтобы получилось истинно художественное произведеніе, и прежде всего требуетъ отсутствія «пестроты» или ея незамѣтности, а у Лѣскова и въ этомъ отношеніи «поперекъ дороги его безмѣрность стала». Отсутствіе чувства мѣры сказывается и въ пристрастіи Лѣскова къ изображенію съ одной стороны «праведниковъ», а съ другой злодѣевъ, превосходящихъ всякое вѣроятіе. Лѣсковъ часто изображалъ рабскую преданность крѣпостного слуги своему господину, и въ этихъ случаяхъ тоже былъ готовъ «безмѣрно жертвовать и здравымъ смысломъ, и художественной правдой» «ради безмѣрной преданности раба». За-

мѣтимъ, что не всѣ-же, однако, произведенія Лѣскова страдаютъ этою безмѣрностью. Меньше всего его слѣдуетъ разсматривать какъ романиста. Романы его, такіе, какъ «Некуда» и «На ножжахъ», крайне неудачны, а въ «Соборяхъ» слабо все то, что приплетено къ нимъ романическаго и имѣющаго отношенія къ злобѣ дня. Сильный талантъ Лѣскова сказался въ его рассказахъ, и въ особенности тамъ, гдѣ онъ изображалъ прошлое, гдѣ у него не примѣшивалась портившая все отравя безмѣрно страстнаго отношенія къ ненавистнымъ ему представителямъ ненавистныхъ теченій 60-хъ годовъ. Онъ могъ-бы быть романистомъ, но романистомъ историческимъ. Необыкновенно ярко и выразительно выступаетъ у него николаевская эпоха въ такихъ напр. произведеніяхъ, какъ «Юлль» или слишкомъ низко оцененный г. Михайловскимъ «Очарованный странникъ» — этотъ рядъ дѣйствительно пестрыхъ, но чрезвычайно живыхъ картинъ, мѣстами проникнутыхъ своеобразной поэзіей полуварварской жизни, написанныхъ съ замѣчательнымъ юморомъ. Но Лѣсковъ написалъ 12 томовъ, и въ этой массѣ написаннаго есть не мало такого, что оправдываетъ характеристику «безмѣрнаго писателя», слѣланную г. Михайловскимъ.

«Мужики» г. Чехова, по мнѣнію г. Михайловскаго, не изъ лучшихъ его рассказовъ. Не дастъ этотъ рассказъ и материала для важныхъ выводовъ, которые дѣлаются критикой. «Во всемъ, что я слышалъ и читалъ о «Мужикахъ», говорить г. Михайловскій, меня прежде всего поразило то, что, восхищаясь талантовъ этого произведенія, талантомъ г. Чехова вообще, никто не попытался вспомнить хоть одно какое-нибудь изъ прежнихъ произведеній г. Чехова. А ведь это такъ естественно, когда рѣчь идетъ о произведеніи талантливаго писателя, имѣющаго болѣе или менѣе долгое литературное прошлое». Въ такихъ случаяхъ обыкновенно вспоминается рядъ образовъ и картинъ изъ другихъ произведеній того-же автора, въ нихъ отыскиваются дополненія, разъясненія, параллели, контрасты. Между произведеніями писателя есть столь тѣсная связь, что «даже при желаніи изолировать какое-нибудь одно изъ нихъ, слѣлать это трудно». Такой связи между произведеніями г. Чехова, по мнѣнію г. Михайловскаго, нѣтъ. За г. Чеховымъ остаются талантъ и наблюдательность, но «того,

что называется общей идеей или богомъ живого человека» — у него нѣтъ. Въ этомъ, между прочимъ, и заключается разгадка той странности, что всѣ мы, почитатели таланта г. Чехова, говорить г. Михайловскій, твердо знаемъ, что онъ никогда не развернетъ этотъ свой талантъ во всю мѣру его силы. Отсюда-же слѣдуетъ и другой общій выводъ, а именно тотъ, что никакихъ общихъ выводовъ изъ произведений г. Чехова дѣлать не слѣдуетъ, да и просто нельзя». Выводы, однако, дѣлаются, и тѣ, кому не по душѣ «идеализация» деревни, находятъ въ рассказѣ очень вѣскій аргументъ противъ такой идеализации. Припоминая по этому поводу одну очень старую статью «Недѣли», г. Михайловскій говоритъ, что какъ прежде отвлеченной деревнѣ противопоставлялся конкретный Петербургъ, такъ теперь, наоборотъ, нѣкоторые комментаторы г. Чехова, «вѣрно или не вѣрно приписавъ известныя черты городскому жителю вообще, берутъ отвлеченнаго псаломщика — вытираютъ изъ его прошлаго вѣтычки, пинки, ругательства и педѣвательства, претерпѣвая имъ съ одиннадцатилѣтняго возраста до тѣхъ поръ, пока онъ самъ сталъ раздавать таковыя такимъ-же мальчишкамъ-ученикамъ; прочищаютъ его глаза и уши отъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ отдѣльных кабинетахъ; вычеркиваютъ изъ его ежедневную 19-ти-часовую работу, и всѣ гнусныя привычки хамскаго угодничества и чѣ-за «на-чаево», вырабатывавшяя нашими дикими нравами вообще, и всѣ тѣ оскорбленія, которыя онъ, благодаря все той-же нашей общей дикости, получалъ отъ пьяныхъ посѣтителей, и проч., и проч... Изъ этого отвлеченнаго псаломщика выдрать въ конкретную, даже въ ультра-конкретную деревню, изъ которой не только ни одна подлинная соринка не выметена, а еще лишняго навозу наваяно для большей яркости».

Г. Максимовъ закончилъ свои воспоминанія объ Островскомъ, въ «Русской Мысли», описаніемъ его путешествій — на Волгу и за границу. Поѣздка по верхней Волгѣ была предпринята Островскимъ въ пятидесятыхъ годахъ по порученію морского министерства, для изслѣдованія края, одновременно съ командированными въ другія мѣстности изслѣдователями (Максимовъ, Потѣхинъ, Писемскій, Афанасьевъ Чужбинскій). Несмотря на присвоенный этой поѣздкѣ характеръ казенной командировки, твер-

зотчества, Францъ Непомнящій, Яковъ Безпрозванія, Иванъ 35 лѣтъ (это число составляетъ фамилию въ дѣйствительности ему 48 лѣтъ). Человѣкъ Неизвѣстнаго Званія... О возрастѣ своемъ, равно какъ и о времени пребыванія на Сахалинѣ, поселенцы давали самые сбивчивые отвѣты. Жилища поселенцевъ производили самое грустное впечатлѣніе полнымъ отсутствіемъ домовитости, какъ-бы указывая на то, что хозяевамъ мало дѣла до обстановки, въ которой они существуютъ. На г. Чеховъ, сосильные смотрѣли какъ на оффиціальное лицо, и видя въ немъ чиновника, присланнаго изъ Россіи, высказывали различные предположенія и надежды насчетъ пути его переписи. Но наряду съ этимъ, слышался голосъ, въ которомъ слышались усталость, скука и досада на безпокойство: — И все они пишутъ, и все они пишутъ, и все они пишутъ, Царица Небесная!»

Упомянувъ выше о писателяхъ-бурбописцахъ, писателяхъ-графоманахъ новѣйшей литературной школы, мы должны замѣтить, что они вовсе не представляютъ собою такого исключительнаго, характернаго для своей эпохи явленія, какъ объ этомъ обыкновенно говорится и пишется. Припомнимъ здравствующихъ писателей, начинавшихъ свою писовитую дѣятельность еще въ 70-хъ и даже 60-хъ гг. — г. Боборыкина, Вас. И. Немировича-Данченко, Д. Н. Мамина: разве они пишутъ меньше? Наконецъ, можно указать на ветерана русской словесности г. Аверьева, вѣчное *цѣлѣисполное* печатающаго на страницахъ «Русск. Обозрѣнія» комическій романъ «Художникъ Безпаловъ и нотаріусъ Подлешниковъ». Г. Маминъ пишетъ преимущественно коротенькія вещи, но въ большомъ количествѣ. Критикъ «Русскаго Богатства» жалуется, что г. Маминъ замалчиваетъ. Онъ указываетъ, напримѣръ, на то, что даже г. Скабичевскій въ своей исторіи новѣйшей литературы отвѣтъ этому заслуженному беллетристу всего двадцать строкъ, а когда дѣло дошло до оцѣнки, то ограничился фразой, что г. Маминъ «обладаетъ очень симпатичнымъ талантомъ». Критикъ «Русск. Бог.» полагаетъ, что «недоумѣніе», происшедшее съ г. Ма-